

можных родственников Моисея Тарасьиных детей и Матфея, с которыми некогда был произведен раздел земель, вряд ли возвращение им Моисеевых третей можно рассматривать как восстановление гипотетической отчины. Организация работ на этих участках, находящихся в сотне верст от местожительства Моисея, вероятно, была в руках Матфея и Тарасьиных детей, от которых Моисей и получал свою долю доходов, и он компенсировал бывших совладельцев за услуги своим завещательным распоряжением.

Создается впечатление, что владение Моисея было его собственным «скоплением». Поначалу он был совладельцем земель на основе складничества с разными, более состоятельными лицами (обращает на себя внимание, что документация по разделам хранится не у него, а у других участников разделов), затем выделил свои участки по «деловым грамотам». Такой характеристике не противоречит и то обстоятельство, что заботу о своих детях Моисей поручает несомненно крупным феодалам, поименованным им с «вичем», — Василию Есифовичу и Максиму Васильевичу. Оба вотчинника, возможно, были его влиятельными соседями по владениям. Максима Васильевича в других источниках отыскать не удалось, Василий Есифович в рассматриваемое время известен. Так звали новгородского боярина, который в 1405 г. был степенным тысяцким, в 1410 г. в той же должности принимал участие в проведении известной денежной реформы, в 1416 г. был избран на посадничью степень, в 1418 г. в той же должности фигурирует в рассказе о восстании Степанки и в последний раз как посадник упоминается под 1421 г.¹¹⁷ Это имя можно было бы привлечь для уточнения датировки духовной Моисея, однако полной уверенности в его тождестве с летописным лицом нет. Статья 99 Пространной редакции Русской Правды устанавливает порядок опеки над малолетними детьми в случае смерти их отца, определяя опекунами ближайших родственников («кто им ближии будеть»), что могло бы вести к предположению о близком родстве Моисея с Василием Есифовичем и Максимом Васильевичем. Однако практика новгородских духовных грамот свидетельствует и о том, что опекунство возлагалось на влиятельных лиц и соседей. В духовной Федора Остафьевича, например, говорится о посадниках, тысяцком и «всей великою улице Нутной», на которой жил завещатель¹¹⁸.

Берестяные грамоты № 519 и 520 в целом представляют открытый впервые черновик завещания мелкого земельного собственника Новгородской земли рубежа XIV—XV вв., привезенный им для юридического оформления в Новгород и здесь случайно потерянный.

Грамота № 521

Обстоятельства находки грамоты № 521 изложены выше, при описании грамоты № 519. Лист бересты, использованный для упаковки духовной грамоты Моисея, оказался распавшимся на множество кусков, большинство которых сохранилось, позволяя почти полностью прочитать тексты. Лист содержит четыре разнородные записи. В его верхней части была помещена надпись в два столбца, отделенных друг от друга вертикальной чертой. Левый столбец был аккуратно оторван в древности, от него сохранились лишь остатки: оѣго. Правый читается почти полностью:

---такъсарозго
рисрѣцѣвокнте
ло-вокидшатвоа
доменвидотеладоло
кгондсвндудомоко

¹¹⁷ Новгородская Первая летопись. . . , с. 402—413; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 85, 86, 88, 98—100, № 48, 50, 60; в грамоте № 292 (с. 292) упоминается сын Василия Есифовича — Лука.

¹¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 171, № 111.

521

БА ТО М С А Ш А Н Я Н А
 Х Е Н Ъ С А А К О В
 С Л Б С А Л О В П О Л А
 М М Е Н С Е С Е В А Н С А М Н
 Б О Л А Б Ы К Н Е К И Н В Т А Н А
 А Р У В О Т О Л А В П О Л Т О Р А
 Т О Д О К С Е Б А Т О С С Е
 В А Н Н М Е Б Ъ Н Г О Р А
 Ц Е Т В С А О Т К
 В П Н Т Ъ Ш Б Т П
 Т К Н Я Н Т Т А

А Н С А Т Р Е Т В О К Е Н Т С Е
 К Р Б О К Е Н А Ш А Т В О А
 М К М К Н Х А Р Т Е Л А Р У М О
 К Т О Н А В Н А У Р А О М О К Р О
 Н А Б О А Х
 Д У Т Н М О Ш К Б Б Р У С Л Е Х Б
 М П О Т О Д Б К О Д О Б Б Н А Ж Н
 С У К О Р А А Р П Е Т В С Д О Т К Б
 А Ж Н О В Ы К В К А Р П Р Е
 Р Е К Р Н П Ш Е Н Н Ц Е Р П
 Т К Н Я Н Т А

0 5

522

П О С Е М О
 Д К Р Н
 Х Р М А
 А Т А
 С П Н О Н
 А Н Д
 М А Р П А Т

0 5

Прориси грамот № 521, 522

Вторая запись расположена в левой половине листа, ниже несохранившейся части первой записи. Справа ее ограничивает та же вертикальная разделительная черта, однако концы последних строк вылезают за эту черту:

нато мсашлю Юно--оу менесеа-ванкедами
 хеикедалкове-волдыкинеконетриру
 влѣседловполтинуветолаеполтора
набору
 -----торокехълатос-делло
ми
 -----днинежигор-мигорка

Третья запись находится ниже второй, в левой половине листа. Она фрагментирована больше других:

---ѣ-г-цѣтвѣротк-----
 оу--шѣ-г-цѣтвѣро
 ткижита

Четвертая запись расположена в нижней правой части листа:

оутимошкѣегуслехъ
 поторѣкоробьиржи
 оукюра-г-цѣтвѣроткѣ
 ржиоувькека-г-цѣт--
 роткишеницѣ-г-цѣ----
 ткижита

Длина грамоты 38,5 см, ширина 14,5 см.

Все четыре записи выполнены одним почерком, но не тем, которым написана духовная грамота Моисея (№ 519—520). Автор не употребляет якорной Е и косых перемычек при написании Ю и иотованных букв. Ц он во всех случаях изображает в зеркальном варианте. Ъ, Ы, Ь имеют почти квадратные кузова. Главная линия буквы Р не вертикальна, а манерно наклонена. В во многих случаях имеет ступенчатую форму. Индивидуально написание Ж. Средняя часть малого юса — не в виде буквы Т, а в виде латинской пятерки. Все отмеченные буквы в духовной Моисея написаны иначе. Однако сумма палеографических признаков соответствует тому же времени: второй половине XIV—началу XV в., хотя в пределах указанного периода, как кажется, почерк человека, писавшего грамоту № 521, старше почерка человека, писавшего духовную Моисея.

Первая запись может быть разделена на слова так:

« . . . оего . . . такъ ся розгори с(е)ртце твое и тело (т)вое и д(у)шя твоя до мене и до тела до моего и до виду до моего».

Правомерна реконструкция всей этой записи в следующем виде: «(Какъ ся розгоре сердце мое и тело мое и душа моя до тебе и до тела до твоего и до виду до твоего), такъ ся розгори сертце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела до моего и до виду до моего». Н. Н. Покровский предположил, что здесь перед нами формула любовного заговора, «присухи». Близкого совпадения с известными вариантами таких заговоров, однако, не наблюдается¹¹⁹. Поэтому, не отвергая

¹¹⁹ См. обстоятельную подборку заговоров в кн.: *Забьлин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880, с. 289—392.

предложенного объяснения, обратим внимание и на другую возможность истолковать рассматриваемую запись, поставив ее в связь с завещанием Моисея.

Как видно из текста грамоты № 519, Моисей был вдовцом: у него есть дети и тесть, но в завещании не упоминается жена. Левая половина только что цитированной записи аккуратно оторвана в древности. Не содержала ли она в своем начале женского имени? Если эта запись связана с Моисеем, тогда можно предполагать у него намерение жениться вторично, рассматривать саму запись как черновик любовной записки и догадываться, что потребность в составлении духовной вызвана необходимостью обеспечить детей от первого брака в связи с планами второй женитьбы.

Вторая запись может быть разделена на слова так:

«На том ся шлю, отня(лв) оу мене Сел(и)ванке да Михейке да Якове (да) Болдыкине кон в три рубле, седло в полтину, вотола в полтора. . . торокехъ. А то с(о)деяло(еъ). . . дни, межи Горкам(и) и Горками на Бору».

«На том ся шлю» — на том шлюся, на то ссылаюсь. «Болдыкине» — Болдыкин. В словаре Тупикова отмечено имя Тараско Болдыгин; в Новгородской земле была также деревня Болдыгина. «Кон» — конь. «Вотола» — верхняя одежда. «Торокехъ» — (в) торокехъ, в тороках. Тороком назывался ремешок у седла для привязывания поклажи.

Автор записки был ограблен Селиванкой, Михейкой, Яковом и Болдыкиным, которые отняли у него коня ценой в три рубля, седло — в полтину, верхнюю одежду — в полтора рубля и какое-то имущество в притороченных выюках. Это случилось («а то содеялось») такого-то дня между Горками и Горками на Бору. Все три населенных пункта, указанные здесь, известны писцовым книгам в Дубровенском погосте¹²⁰, т. е. именно там, где находились владения Моисея. Они существуют и сейчас. Близ Дубровны, на речке Степеринке, на картах обозначены стоящие по соседству друг с другом деревни Верхние Горки и Нижние Горки (в писцовых книгах — Горки и Горки) и между ними, чуть южнее, деревня Бор.

Третья и четвертая записи могут быть разделены на слова так:

«. . . 3 четверотк(и). . . оу. . . ше 3 четверотки жита».

«Оу Тимошке в Гуслехъ по(л)торе коробы ржи. Оу Кюра 3 четверотке ржи. Оу Выевка 3 чет(ве)ретки пшенице, 3 це(твер)отки жита».

Последние две записи — исчисление долгов в зерне. Деревня Гусли, которой касается последняя запись, известна по писцовым книгам все в том же Дубровенском погосте¹²¹. Существует она и сегодня. Долги исчислены в коробьях и четвертках. Если коробы постоянно упоминаются в новгородских источниках, в том числе и в берестяных грамотах, то четвертка как мера измерения сыпучих тел в них почти неизвестна, будучи, однако, характерной для Пскова. Это является лишним аргументом в пользу порховского происхождения всех трех грамот № 519, 520 и 521: Порхов расположен у самого псковского пограничья. Четвертка входит в круг незначительных единиц. Псковская летопись под 1476 г., к примеру, оценивает четвертку ржи «по польщяте денге»¹²².

Связь рассмотренной записи с Дубровенским погостом дает возможность высказать еще одно предположение о смысловой общности грамоты № 521 и духовной Моисея. В последней отсутствует органичная для всех завещаний часть: передача наследникам сведений об имуществе, данном завещателем в долги, для взыскания его после смерти завещателя (ср., например, со знаменитой духовной Климента). Не являются ли третья и четвертая записи грамоты № 521 черновыми вставками к завещанию, посвященными этому важному сюжету?

Позволительно в связи со всеми изложенными наблюдениями предположить, что грамота № 521 является автографом Моисея. Если в духовной его владения характеризуются как весьма

¹²⁰ Андрияшев А. М. Материалы. . . , с. 430, 433.

¹²¹ Андрияшев А. М. Материалы. . . , с. 432.

¹²² Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 200.

незначительные, то таким же небогатым собственником предстает перед нами автор записей в грамоте № 521. Крестьяне должны ему мизерные суммы. Будучи ограблен вполне установленными по именам злоумышленниками, он не имеет возможности сам расправиться с ними и пытается выискать свои убытки законным порядком. Кроме того и для придания юридической силы своей духовной Моисей должен был сам доставить ее в канцелярию владычного наместника, а для возбуждения дела об ограблении — лично явиться в качестве истца в смесной суд.

Грамота № 522

Грамота № 522 найдена на Троицком раскопе, в ярусе 13, в квадрате 101, на глубине 1,81 м. Это целый документ, имеющий лишь небольшой разрыв в центральной части:

пр	семь	хр	ми	ел	спир	мариаѣ
о	м-	кс		ер	---онѣ	
ко		ти				
пи		на				
и						

Длина 25 см, ширина 4 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XII—XIII вв. Палеографические признаки не противоречат ей.

Документ содержит перечисление имен: «Прокопии, Семь(нѣ?), Хръстина, Мих(аилъ), Флор, Спир(ид)онѣ, Мариа г». Последний знак, который возможно читать как цифру 3, вероятно, говорит, что имя Марии нужно было повторить три раза. Грамота является церковным поминанием и входит в круг аналогичных документов, найденных на Троицком раскопе.

Грамота № 523

Грамота № 523 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 88, на глубине 2,40 м. Это небольшой обрывок:

---ѣт: хръстина---

523 5

Прорись грамоты № 523

Длина 6,8 см, ширина 0,9 см.

Стратиграфическая дата грамоты: конец XII в. Документ написан тем же почерком, что и предыдущий. В нем читается имя «Хръстина», уже встреченное в грамоте № 522. Для толкования нет данных.

Грамота № 524

Грамота № 524 найдена на Троицком раскопе, в ярусе 16, в квадрате 113, на глубине 2,60 м. Это обрывок письма:

-----присли
:А:гривѣѡллеѣзмѣ
кыѣѣ:ѣ:гривѣѣ